

ЛЮБОВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Валерия Горбачёва

Медвежий камень

Валерия Горбачева
Медвежий камень

«ЭКСМО»

Горбачева В.

Медвежий камень / В. Горбачева — «Эксмо»,

Она умна и привлекательна. В глазах роковой огонь. Ксения – историк по образованию, работает в архиве местного музея и часто имеет дело с тайнами прошлого... Впрочем, Ксения и сама тайна. В нее влюблены все – и преданный супруг, и молодые мужчины – коллеги по работе. Успешный бизнесмен Дрозденко тоже не избежал этой участи... Он потерял голову и забыл обо всем! О работе, о жене, и об... осторожности. О последнем же никогда не следует забывать. Тем более, если ты богат, занимаешься раскопками исторических ценностей, а сердце твое истерзано страстью.

© Горбачева В.

© Эксмо

Валерия Горбачева Медвежий камень

Весна – как молодость, всегда одинаковая: яркая, зеленая, буйная, залитая легкими, ничего не значащими слезами дождя и ослепленная искрящимся молодым солнцем.

А осень всегда разная и у каждого своя. Кто-то не хочет признавать наступающее увядание – и стоит как будто молодой и зеленый, и пусть зелень уже не та – покрытая пылью прожитых дней, прошитая серыми прожилками безумных гроз и изматывающих ветров, но все равно это зеленый цвет.

Другие в отчаянии злятся на наступающие холода и бурют, осыпаясь невыразительными коричневыми листьями. Кто-то, бросая вызов неутомимой природе, неожиданно ярко, вызываясь алеет, лишь бы остаться ярким пятном вопреки всему. А кто-то спокойно ловит последние лучи солнца, собирая и накапливая их в золоте своих листьев, создавая даже в пасмурный день ощущение мягкого теплого свечения.

Но всех укроет зима...

Раскоп начался неудачно. С трупа. Причем не археологического, а настоящего.

– Свежак, – зло сощурив глаза, сказал Мишель.

Вообще-то Мишеля зовут Иван Семенов, но он совсем не похож на Ивана: стройность, переходящая в худобу, стильная французская небритость, такие же стильные очки и неизменный берет – ни дать ни взять французский художник-импрессионист, ну какой он Иван? Язык не поворачивается назвать его Ваней. Выручило отчество – Михайлович, и уже давно он для всех Мишель. Но он не художник, а профессиональный археолог, кстати, в отличие от нас, прикомандированных. Мы, музейные сотрудники, только на период археологического сезона становимся археологами, а точнее даже сказать – лаборантами на археологическом раскопе. Выполняем обязанности начальников участков, чертежников, камеральщиков: под руководством начальника раскопа записываем, чертим, считаем находки, руководим рабочими-землекопами, а когда раскоп заканчивается, возвращаемся к своим обязанностям в музее. А профессиональные археологи – начальники раскопов после завершения сезона все эти материалы обрабатывают, анализируют, систематизируют, пишут отчет в Москву, чтобы к началу следующего сезона можно было снова копать.

– Почему «свежак»? – хмуро удивился молодой мужчина, предъявивший удостоверение капитана милиции. Он стоял рядом, засунув руки в карманы и постукивая ногой о землю. – Ему уже месяца три, не меньше...

– Если бы столетия три хотя бы, – Мишель усмехнулся, – а еще лучше бы тысячелетия...

– А, в этом смысле, – покладисто согласился капитан, – да, это не ваш клиент...

– А ваш, – подхватил Мишель.

– Да, скорее всего, и не наш, – капитан пренебрежительно махнул рукой куда-то в сторону, – скорее всего, бомжи своего безвременно ушедшего сотоварища прикопали. Тоже ведь люди...

– Угу, – неопределенно согласился Мишель, – молодцы, поверх земли не оставили...

Они довольно лениво и спокойно перебрасывались фразами, как будто ничего не произошло. Конечно, для капитана милиции это обычная работа, а Мишель просто зашел нас проведать – его раскоп совсем в другом районе и идет уже полным ходом, наш же только начался, вернее – должен был начаться: балласт начали снимать. Балласт – слой отложений современного мусора толщиной около одного метра – снимается экскаватором, археологи при этом только присутствуют – контролируют, чтобы глубже нужной отметки не копали.

Вот мы с Мариной и стояли на краю участка – контролировали, когда экскаватор, пройдя уже несколько метров, зацепил какую-то длинную корягу, потянул, рыхлая земля как-то очень легко осыпалась в уже вырытую яму, и в осыпи явно выступили ноги... Марина закричала, чтобы экскаватор остановился, но экскаваторщик и сам уже все увидел.

Я сидела на бревнах на краю наполовину вырытой ямы и думала свою грустную думу. Марина, как начальник раскопа, объяснялась с милицией, рядом стоял начальник стройки и пытался дозвониться по мобильному до хозяина. Хозяин, Станислав Владимирович Дрозденко, известный в городе предприниматель, строил на берегу реки целый жилой квартал. А город наш древний, в нем копать землю просто так нельзя, обязательно нужно предварительное археологическое исследование провести. Когда в прошлом году началось строительство в этом районе, Станислав Владимирович, помнится, очень удивился, узнав, что ему придется еще оплачивать и археологические раскопы под строительство своих домов. Удивился, но спорить особенно не стал, поскольку выбился в известные бизнесмены не из бандитов, хотя, по некоторым источникам, дела кой-какие он с ними вел и имя соответствующее имел – Стас Командир, но это, говорили, просто по необходимости: время у нас такое. А вообще-то он из бывших военных еще советского образца. И образование у него приличное, и жена не куколка-пустышка, а первая, со студенческих лет, и детей двое. В общем, не совсем обычный он у нас. Разбогател же он на каких-то махинациях с цветными металлами. Помню, однажды, прослушивая старую пластинку, я наткнулась на одну интермедию. Разговаривают два приятеля. Один говорит: «Ты почему уходишь с представления? Разве тебе не нравятся акробаты? Посмотри, какие комбинации исполняет гимнастка на проволоке!» – «Ну, разве это комбинации?» – разочарованно говорит второй. – Если бы вы видели, какие комбинации на проволоке выделял один мой приятель, – вы бы закачались!» – «Какие комбинации?» – «А такие: он взял два вагона проволоки и поставил дачу! Вот это была комбинация!» Вот и наш господин Дрозденко так же комбинировал на проволоке. Правда, там, в интермедии, продолжение было более прозаичное. Первый спрашивал: «Ну и что, стоит?» – «Нет, сидит!» – отвечал второй.

Наш оказался посмышленнее, или времена изменились, но он вполне процветал. И теперь вот строительством занялся. Для себя и своей семьи, конечно. В прошлом году я здесь не работала, раскоп этот начался позднее других, и я уже работала на другом. Марина тогда, конечно, расстроилась – мы привыкли с ней работать, десятый сезон все-таки, но делать нечего, начатый участок не бросишь, и я лишь иногда заглядывала к ним, просто любопытствовать – что нашли и какой век копают, как обычно любят спрашивать прохожие. Сейчас на месте того, прошлогоднего раскопа уже стоит дом, в котором идут отделочные работы.

В этом году я пообещала Марине, что приду к ней точно, и пришлось отказаться от других предложений. Мишель до сих пор дуется. А здесь и в этом году раскоп начинается поздно: конец августа – время, когда приличные люди раскоп уже заканчивают, но у Стаса Командира опять что-то не заладилось с согласованием, и поэтому все задержалось. И целое лето никакой работы до настоящего момента. Вчера, наконец, Марина позвала меня на объект, понаблюдать за началом раскопа. Вот и понаблюдали... Я вздохнула. Что ж не везет-то так? Я ждала этого сезона с каким-то особенным чувством. Археологический сезон вообще штука приятная. Во-первых, интересно: раскоп – это всегда загадка, что-то новое в истории города, никогда не знаешь, что там, под землей, – то ли улицу древнюю откроешь, то ли двор, а может, и часть крепостной стены. Во-вторых, люди, с которыми работаешь: и сами археологи народ необычный, увлеченный, веселый, и землекопы – в основном школьники старших классов или студенты. С ними вообще не соскучишься. Так что на раскопе обычно весело, хоть и суматошно бывает. Особенно когда у тебя на участке работают сразу шесть-семь пар рабочих и каждый задает вопросы, требует внимания, а то и напортачить что-нибудь норовит. Я помню, как однажды сказала ни в коем случае не вырывать четыре маленьких столбика, которые мы еще не зачертили и глубинные отметки не взяли, а ретивые землекопы, стоило мне отойти на несколько

минут на другой квадрат, тут же их радостно снесли. На мое возмущение и горестные вопли: «Я же просила не трогать!» – они смущенно меня утешали: «Да не расстраивайтесь вы так, они совсем гнилые были!» Можно подумать, что я из них дом строить собиралась. В общем, глаза да глаза за нашими рабочими. Устаешь на раскопе, конечно, сильно, но и платят хорошо. Это третья причина, почему мы ждем сезон с нетерпением. Увеличение нашей музейной зарплаты в несколько раз – это приятно, что и говорить. Но в этом году у меня была еще одна причина, по которой я ждала начала раскопок. Я меняла работу. Увольнялась из музея и переходила на работу в отдел охраны памятников. Мне предстояло расстаться со всеми, с кем приходилось встречаться каждый день, с кем каждый день пила чай, с кем решала вопросы... Мне нужно было уйти. Это нелегко, когда проработаешь на одном месте почти двадцать лет. Но уходить нужно. Работать с новым директором, назначенным полгода назад, я просто не могла. Об этом я даже думать не хотела. «Все. Ухожу!» – решила я. – Просто сначала поработаю на раскопе, чтобы привыкнуть и развеяться от всяких неприятных мыслей, а после – сразу на новую работу».

С хорошим настроением, так сказать. Но раскоп начался неудачно. С трупом.

И вот я сидела на бревнах, и делать мне было абсолютно нечего. «Интересно, – думала я, – когда мы теперь начнем?» К трупу я не подходила и даже не глядела в его сторону. А рабочие со стройки толпились у места происшествия и что-то бурно обсуждали. Марина стояла около экскаватора и слушала начальника строительства. Он, похоже, уже дозвонился до хозяина и теперь что-то активно втолковывал Марине. Смешно размахивал руками, заглядывая ей в глаза снизу вверх – Марина выше его на целую голову.

Я прислонилась спиной к забору, около которого лежали мои бревна, и прикрыла глаза. Предосеннее солнце слабо пробивалось сквозь густую листву, легкий ветерок чуть касался моего лица. Спать я, конечно, не собиралась, но посидеть вот так, расслабленно, бессмысленно, когда еще придется. Только бы не думать ни о чем. Не вспоминать, как обиделась на меня Таня, подруга моя, за то, что ухожу из музея, а она остается. Не думать о том, что не ладится у меня и с Леной, с которой мы тоже были закадычными подругами, неразлейвода, что называется, а последнее время часто ссорились и не понимали друг друга. Не сожалеть о том, что не звоню старым институтским друзьям. Не плакать, что осталась без друзей. И благодарить судьбу за то, что со мной моя семья. Муж, дети, родственники. С ними, конечно, мы тоже ссоримся, но ненадолго и не всерьез.

– Ксения, ты не уснула часом? – Марина опустилась рядом со мной на теплые бревна.

– Уснешь с вами, – я с сожалением открыла глаза.

– Ты плакала? – Марина с удивлением посмотрела на меня. – Расстроилась из-за этого? – она кивнула в сторону ямы.

– Нет, не плакала, просто глаза что-то воспалились. – Я смутилась: неужели все-таки плакала? – Но неприятно, конечно. Что менты говорят?

– Пока ничего не говорят. Сейчас дождемся Дрозденко, с ним еще побеседуют, потом вроде можно вывозить.

– Так сегодня больше не будут копать?

– Не знаю, – Марина вздохнула, – хотелось бы сегодня еще поработать, конечно, но когда это все будет... А ты что, уйти хотела?

– Да разве я тебя брошу здесь одну? – Я с почти веселым возмущением гляжу на нее. – Нет уж, пока все не решится – никуда не пойду. Тем более что здесь на бревнышках очень даже неплохо.

– Неплохо, – соглашается Марина, – только жестковато...

– А это надо сидельник иметь. – Я показала на круг из пенопласта и поролон, на котором сидела. Такая специально сделанная фишка для экспедиций: круг привязывается на резинке к поясу, так что, когда нужно сесть на камень или на землю, он всегда при тебе – и тепло, и достаточно мягко. – В крайнем случае куртку подложи, – я кивнула на свою ветровку.

– Нет, спасибо, все равно идти туда надо. – Марина поднялась. – Кстати, Мишель спрашивал, придем ли мы обедать на базу.

– У меня здесь ничего нет, – я развела руками, – можно попросить нам сюда принести чего-нибудь, если не сможем вырваться.

– Ладно, посмотрим по обстановке. – Марина ушла.

А я осталась сидеть. Видно, сильно обиделся на меня Мишель, даже про обед спросил у Маринки, а ко мне не подошел. У нас с ним своеобразные отношения. Считается, что мы с ним дружим, хотя в гостях друг у друга не бываем, проблемы не обсуждаем, вдвоем никуда не ходим. Он младше меня лет на десять, а то и больше, но относится ко мне как к младшей сестре – снисходительно-заботливо, хоть и называет меня по имени-отчеству и на «вы». Эту странность все заметили. Потому что бросалось в глаза, когда молодой человек спрашивал строго немолодую тетеньку: «Ксения Андреевна, вы обедали?» – и если в ответ слышал «нет», покачав укоризненно головой, шел ставить чайник и делать бутерброд. Поначалу удивлялись, обсуждали и намекали на более «теплые» чувства, отнюдь не братские, но потом привыкли: подумаешь, ну такие вот отношения, в жизни все бывает. Иногда Мишель на меня сердился, но это недолго обычно. Если обедать на базу не идем, обязательно приносил что-нибудь.

Дрозденко приехал довольно скоро. Рабочих тут же как ветром сдуло с нашей площадки, но тише от этого не стало, а наоборот, они энергично начали стучать, пилить и греметь на стройке, изображая бурную деятельность: а как же – хозяин явился.

Сквозь полуприкрытые веки я наблюдала, как Станислав Владимирович широким быстрым шагом идет к месту раскопа. Проходя мимо бревен, на которых я сижу, он бросил внимательный и слегка недоуменный взгляд – не узнал. Я, усмехнувшись, вежливо кивнула и получила в ответ машинальный, но такой же вежливый кивок. А через несколько минут я поняла, что означает «деловой человек». Разрулил Дрозденко ситуацию просто виртуозно. Я не слышала, что именно он говорил и даже кому именно, но буквально через час труп уже был вывезен. Экскаваторщик снова завел свою машину, а мы с Мариной встали на краю и продолжили контролировать его работу.

Милицейский капитан появился через неделю. Он остановился на краю раскопа с коричневой папкой в руке и внимательно принялся разглядывать нашу яму.

– Олег Георгиевич, здравствуйте, – радостно окликнула его Марина. – Спускайтесь, если хотите, здесь еще можно сегодня походить...

– А что, скоро уже нельзя будет? – попался на удочку капитан. Он довольно охотно и ловко спустился по трапу. – Почему?

– Ксения Андреевна не разрешит, – смеясь, указала на меня Марина. – У них скоро зачистки пойдут.

– Не разрешу, – кивнула я, – зачистки дело трудоемкое и дорогое.

Олег Георгиевич, суровый и неразговорчивый капитан милиции, приехавший неделю назад на обнаруженный нами труп, сегодня не хмурился, а с удовольствием расспрашивал о методике раскопа.

– Что-нибудь нашли? – задал он традиционный вопрос.

– Конечно, – пожали мы плечами, – много всего. А вы что-нибудь раскопали?

– Конечно, – в тон нам ответил Олег Георгиевич, – много чего...

Почему-то от этих слов, несмотря на, казалось бы, шутливый тон, в воздухе повисла какая-то тревога. Как будто колючий холодный ветер забрался под легкую ветровку и прошелся по спине и плечам неприятным ознобом. Я внимательно посмотрела на капитана и поняла, откуда взялась моя тревога. Его глаза. Они были холодными и совсем не веселыми. В них была все та же суровость и даже какая-то угроза. Я оглянулась на Марину. Она удивленно смотрела

на капитана, тоже, видимо, уловив какую-то странность в его словах. Наверное, он почувствовал наше состояние, потому что перестал улыбаться, а сказал прямо, даже жестко:

– Убийство. Бомжа, конечно, но странное.

И снова повисла пауза. Тяжелая, двусмысленная, страшная. Я поежилась. Спрашивать его про убийство?! Задавать киношные вопросы: «Как убийство? С чего вы взяли? Почему странное?» и тому подобное? Глупо как-то и по-детски. В его словах ни вопроса нет, ни растерянности. Он не сомнениями делился, а информацией, причем коротко и ясно. Зачем же переспрашивать? Но реагировать-то как-то нужно. Может, о погоде с ним поговорить? Лучше тогда уж в обморок грохнуться. Я поймала себя на том, что даже мысленно пыталась ерничать и даже как будто шутить. Нервы? Нервы, конечно. Не так много прошло времени на раскопе, чтобы я вполне успокоилась, хоть и полегче немного стало. Раскоп – он почти живой, он за действия плохих людей не отвечает и изо всех сил пытается реабилитировать свое неудачное начало. Первой находкой, не считая трупа, конечно, был клад столового серебра, прикопанный, видимо, в первой четверти двадцатого века, в революцию. Приятное начало: ложки, вилки серебряные, кольца для салфеток с вензелями, чайничек с позолотой. Красиво. Да и потом как-то все гладко пошло. Дождей не было, и рабочие вполне вменяемые, сколько скажешь копать, столько и копают, и Мишель заглядывал, контролировал, все ли у нас в порядке. Рабочие со стройки не мешали, даже хозяин пару раз заглянул, поинтересовался, как дела идут и не нужно ли нам чего. Для меня это было непривычно, а Марина говорила, что и в прошлом году Станислав Владимирович интересовался ходом раскопок, спрашивал про находки, помогал с выводом и даже по собственной инициативе дал денег на выставку находок по окончании сезона. Необычный, что и говорить. В общем, раскоп шел хорошо, и про труп мы стали забывать. И вот те раз.

– Почему странное? – Это Марина, не мучаясь сомнениями и дурацкими мыслями, задала естественный, в общем-то, вопрос.

– Руки связаны и ноги. В куртке был, но без обуви. А тело все в глубоких царапинах, даже, можно сказать, в порезах – на груди, на спине, на руках. – Олег Георгиевич говорил скупое, даже скучное.

Он напоминал киношного милиционера – усталый, серьезный, много чего повидавший, делано-равнодушный. Правильный такой мент.

Мы молчали. А что говорить-то? Ужасаться? Возмущаться? Но все внешние проявления ужаса кажутся мне ненастоящими и показушными. На самом деле я была в шоке. Никогда раньше не сталкивалась в реальной жизни с убийством. И пусть меня это совсем не касалось, и пусть убитый какой-то неизвестный мне бомж, я все равно была в шоке. Поэтому просто молчала.

– Я зашел сказать, что если тут кто вертеться будет, спрашивать про происшествие или что-то в этом роде, то вы приметы постарайтесь запомнить, а еще лучше – сразу мне звоните. – Олег Георгиевич протянул Марине визитку, но видно было, что говорил он просто так, потому что должен сказать, и сам же не верил, что кто-нибудь придет и что мы позвоним.

Он еще немного помолчал, оглядываясь вокруг, вздохнул и, как будто вспомнив что-то, повернулся снова к нам:

– Мне еще нужен начальник строительства. Не знаете, где его найти?

– Сергей Николаевич, наверное, в вагончике, – довольно неуверенно сказала Марина, – или в доме...

– В вагончике нет, я там был уже.

– Тогда в доме, – оглядываясь по сторонам, сказала Марина и неожиданно попросила: – Ксюша, если не трудно, проводи Олега Георгиевича...

Я удивленно посмотрела на нее: с какой стати мне его провожать, он что, маленький и заблудится? Или его не пустят в дом? С его-то полномочиями и волшебным удостоверением?

Но не успела ничего сказать – Олег Георгиевич обрадованно поддержал несуразную просьбу Марины:

– Пожалуйста, Ксения Андреевна, покажите мне территорию.

Я пожалала плечами – не вопрос, если так надо. Мы выбираемся из раскопа и направляемся к строительной площадке.

– Ксения Андреевна, расскажите еще раз, как был обнаружен труп, – вот почему капитан попросил меня проводить его – не хотел при землекопах допрос учинять, ладно, хоть понятно теперь.

Я начала рассказывать, вспоминая подробности. Олег Георгиевич слушал внимательно, не перебивал, только в конце задал несколько вопросов – кто при этом присутствовал, кто потом подошел. Мы уже остановились около строящегося дома, когда он неожиданно спросил:

– Вы потом долго сидели в стороне, на бревнах, наблюдали все со стороны. Ничего необычного не заметили? Может, кто звонить срочно начал или посторонний кто в толпе рабочих был? Или еще что-нибудь?

Я старательно пытаюсь вспомнить. Нет, вроде ничего такого не было. Рабочие, конечно, толпились, обсуждали, но никто особенно не выделялся. Впрочем, я ведь и не смотрела специально. Я о своем думала.

– Ну, если вспомните – позвоните, – правильной, опять-таки киношной фразой завершил разговор капитан.

Мы вошли в дом.

– Ух ты, – непроизвольно вырвалось у Олега Георгиевича. Здание внутри действительно поражало своей площадью. Огромный холл, посередине которого место для фонтана, две широкие лестницы, ведущие на второй этаж, много окон и света...

– Ничего, когда придут наши, здесь будет детский садик, – не удержалась я.

Олег Георгиевич рассмеялся. Мы с ним поняли друг друга – эта шутка не имела никакого двойного дна, в ней не было ни зависти, ни злобы. Это скорее шутка над реальностью. Мы с хозяином дома из разных социальных слоев, и все. И у каждого свои преимущества. Нас удивляет его дом, его – наша работа и наша независимость, для него непонятная. А на самом деле «мы люди государевы, – как любит повторять Мишель, – на нашей стороне закон», и это правда. И такие, как Стас Командир, вынуждены нам подчиняться. Потому что строить без раскопа нельзя, даже договорившись с кем-нибудь или запугав кого-нибудь конкретно.

– Для детского садика здесь туалетов маловато, – раздается сверху веселый голос, – но я учту это в корректировке проекта.

Мы подняли головы. На лестнице стоял хозяин дома – Станислав Владимирович собственной персоной.

– Да уж, учтите всенепременно, – нисколько не смущается Олег Георгиевич, – и дворик соответствующим образом еще оформите – с качельками.

Мы еще немного посмеялись. Потом я ушла. Пусть дальше они сами разбираются, кто какие вопросы кому задавать будет.

На раскопе как-то непривычно тихо. Землекопы молча перебирали землю на носилках, Марина что-то писала в своей тетради, Лешка – наш чертежник – с мрачным видом устанавливал рейки, готовясь чертить угольное пятно в третьем квадрате.

– Мариша, что такое? – я под села к начальнику. – Что все такие мрачные?

– Услышали про убийство, – нехотя подняла голову Марина, – принесло этого мента на нашу голову. Вроде мы тихо разговаривали, а все равно все всё знают уже.

Я вздохнула. Ничего не утаишь на раскопе, рано или поздно все равно все стало бы известно. Плохо только, что в этот раз рано. Впрочем, что это мы так все расстроились-то? Неприятно, конечно, но к нам это никакого отношения не имеет. А про убийства по телевизору каждый день рассказывают. С подробностями.

Я попыталась таким образом успокоить свою тревогу, но получилось неважно. Над раскопом висела давящая тишина. Надо было занять чем-то голову. Я села на маленький стульчик и, раскрыв полевой дневник, начала описывать слой. Карандашные строчки ровно и привычно ложились в тетрадь: «Слой темно-серого цвета, средней плотности, сухой. Включения – мелкий известняковый щебень, точечные включения угля и обожженной глины...» Я вгляделась в землю и подумала, что, пожалуй, еще надо вписать желтый песок. Легкий шорох шагов на краю ямы заставил меня поднять голову. На краю раскопа стоял Дрозденко. Легкая светлая куртка распахнута, демонстративно подчеркивая стильную футболку из этой же коллекции, руки засунуты в карманы дорогих джинсов, светлые кроссовки в меру запылены, чтобы не выглядеть слишком уж парадно-выходными – так, на каждый день. Уверенный, подтянутый, ухоженный.

– Почему вы не работали у меня в прошлом году?

Его вопрос прозвучал вполне доброжелательно и вежливо, но я, прекрасно представляя, как выгляжу – старая ветровка, джинсы, о которые постоянно вытираются то руки, проверяющие качество переборки, то шпатель, которым зачищается угольное или глиняное пятно, и кроссовки, первоначальный цвет которых угадать невозможно из-за толстого слоя пыли, – ответила почти насмешливо, с ударением:

– А я и в этом году *у вас* не работаю. – Получилось грубее, чем я хотела, поэтому, смягчая слова и насмешливую интонацию, я улыбнулась. Есть у меня в арсенале такая улыбка: открытая, искренняя, даже наивная. Действует она всегда безотказно.

Недоуменно нахмурившийся было Командир улыбнулся мне в ответ:

– Нашли что-нибудь интересенькое?

Он задал вопрос с правильной интонацией, как свой, понимающий. А не так, как задают вопросы некоторые сильно «продвинутые» прохожие, попадаясь на первом же ответе. Помнится, был у нас раскоп, проходящий прямо по проезжей части центрального проспекта. Копали его быстро, в две смены, чтобы надолго не перекрывать движение. Но даже за две недели чего только не услышали мы от любопытных! И как записаться в наш археологический «кружок», и нашли ли мы золото, и вообще что мы здесь ищем, и даже «кого мы здесь ищем». Но это вопросы, задаваемые большей частью с интересом и вполне доброжелательно. А вот «продвинутые» спрашивают уверенно, командно-проверяющим тоном. И такой вот «продвинутый» тем самым проверяющим тоном, со знанием дела, мог спросить: что, мол, здесь было раньше, что означают все эти бревна, которые мы так тщательно чертим и фотографируем? Мы отвечаем, что в шестнадцатом веке была здесь богатая усадьба...

– Да ладно! – с возмущением восклицает «знаток». – Что ж она так посреди улицы и стояла?!

Невдомек ему, бедному, что улица двадцать первого века совсем не обязательно проходит там, где проходила улица века шестнадцатого. И когда такой спрашивает, что интересного мы нашли, каждый раз мы неустанно отвечаем, что для науки археологии все интересно и равнозначно – и полусгнившие бревна, обозначающие древнюю мостовую, и бронзовый браслет, завалившийся между этих бревен, и разбитые керамические горшки, позволяющие датировать слой, и обширные угольные пятна, свидетельствующие о городском пожаре. Все интересно. Но Станислав Владимирович спросил о другом. «Интересенькое» – это что-то необычное, то, что выбивается из каждодневных находок. Например, монетка-чешуйка – редкая находка, потому что и теряли денежку нечасто, да и найти ее, крохотную, размером с детский ноготок, в земле крайне сложно. Или боевой топор, или того лучше – меч! Ладно, пусть не целый, пусть фрагмент. Мечта... Потому что оружие теряли еще реже, чем деньги. А археологи чаще всего находят именно то, что было потеряно. Или выброшено. Есть еще, правда, захоронения, но это совсем другое дело. Это уже само по себе из ряда вон выходящее событие.

– Пока все обычно, Станислав Владимирович, – я продолжаю улыбаться, – хороший пятнадцатый век идет. Правда, есть в отдельных квадратах пара венчиков двенадцатого века... – Я, наклонившись к лотку, стоящему рядом со мной, достаю большой фрагмент сосуда с высоким горлом. – Это вдохновляет. Может, хоть на этом участке двенадцатый покопаем?

Я люблю керамику раннего Средневековья: изящные сосуды с высокими горловинами, украшенные полосками, елочкой, волнистыми линиями. Есть в них своеобразная гармония и удивительная пропорциональность. Но, к сожалению, в этом районе керамика одиннадцатого-двенадцатого веков встречается редко: в это время поселения здесь не было – только огороды или пастбища.

– В прошлом году тоже встречалась такая керамика, но совсем немного, – сказал Станислав Владимирович, задумчиво глядя куда-то поверх моей головы.

Почему-то его тон вызвал у меня легкий нервный озноб, и я, уткнувшись в свою тетрадь, пробурчала:

– Ну, так они здесь не жили постоянно, чтобы сильно-то мусорить.

– Значит, говорите, двенадцатый век... – не обращая внимания на мою ворчливую интонацию, а может, даже и не заметив ее, проговорил Станислав Владимирович. – А раньше?

– Первые поселения на берегу реки отмечены пятым веком, – ответила я, – только это ближе к излучине, но здесь могли быть их охотничьи угодья, например, или языческие капища...

Темные кроны деревьев оттеняли пока еще светлое небо. Но солнце давно спряталось за далекий холм, и вечерние сумерки уже начали свою работу: зелень высоких сосен стала суровой и даже мрачноватой, на нежной березе листья слились в одно сплошное пятно, а сочная трава стала темной и как будто даже жесткой. Лес мрачнел, становясь незнакомым и странным. Мальчишки, сидящие свободной группкой на поляне, с наступлением темноты теснее прижались друг к другу и инстинктивно потянулись ближе к огню. Сгорбленный старик в светлой широкой рубаше длинной палкой пошевелил горящие сучья и, усмехнувшись, подкинул еще несколько дровишек. Огонь радостно подхватил пищу и благодарно затрещал. Неожиданно громко где-то послышался шум ломающихся веток и невнятное сопение. Мальчишки насто-роженно завертели головами, а один тихонько ойкнул, прикрыв рот грязной ладонью. Но уже все стихло. Старик, ласково взглянув на ребят, сказал:

– Нельзя бояться. Нужно уметь слушать.

Он немного помолчал, а потом продолжил:

– Послушайте ветер – он расскажет, что на далеком большом озере рассердился Дух воды, застучал своим посохом, закрутил своей бородой, и вздулись волны и вышли на землю. – Старик, приподняв голову, потянул носом ночной воздух.

Мальчишки, словно маленькие волчата вслед за матерью-волчицей, старательно засопели, пытаясь уловить незнакомые запахи.

– Чуете? Ветер пахнет солью и водой. – Старик говорил размеренно, прикрыв глаза и чуть покачиваясь в такт своим словам. – Совсем скоро вода придет к нам и прольется на наши земли холодным дождем...

Мальчишки, как будто почувствовав на своих плечах прохладные крупные капли, заерзали. А старик продолжил:

– Посмотрите на огонь – он согреет и накормит, отпугнет злых духов и защитит от недобрых зверей. – Морщинистая рука ласковым и властным движением потянулась к костру, и всполохи пламени послушно прильнули к земле. – Но если оставить его без внимания, он либо умрет – и не будет защитника, либо обидится – и горе тогда всем: Дух огня не прощает обид – он пожирает все на своем пути.

Мальчишки, протянувшие свои ладони к костру, пробуя так же, как старик, усмирить пламя, тут же отдернули руки. Никому не хотелось испытывать Дух огня. Один из мальчиков, подумав немного, положил в костер еще несколько небольших палок и взглянул на учителя. Старик одобрительно покачал головой.

– Лес тоже полон духов. Каждое дерево, каждый зверь, каждый ручей – живой дух, – старик снова прикрыл глаза и начал чуть раскачиваться. Мальчишки слушали затаив дыхание.

Каждый раз, когда зарождалась новая луна, старик приводил их на эту поляну и рассказывал истории о злых и добрых духах, живущих в этом лесу.

– У каждого народа – свой дух-покровитель, – речь старика была проста, но образна, – а наши дома защищает самый сильный зверь – Медведь. Он пришел к нам издалека еще давным-давно, когда дома наши стояли на берегу реки без защиты. Не было еще тогда таких крепких дубовых стен вокруг наших домов, не запирались крепко-накрепко высокие ворота. И однажды недруги пришли на нашу землю. Решили изгнать нас с берегов нашей реки. Крепко стояли мужчины в бою с ворогом, но тех было больше. И стали отступать наши воины. И тогда из леса вышел Медведь. Ростом он был с гору, из пасти у него вырывался огонь, а из глаз сыпались искры. Схватил Медведь мощными лапами огромный камень да швырнул его во врагов. Вмиг рассыпалось вражеское войско, убежали они без оглядки и больше не возвращались. А камень этот на поляне той до сих пор лежит. На нем медвежья лапа отпечаталась. Боятся враги камня медвежьего, не смеют приходиться на нашу землю.

– А где поляна та? – спросил один из мальчишек.

Старик молча поднялся с земли, взял из костра большую горящую ветку, поднял над головой, подобно большому факелу, и, не говоря ни слова, пошел к темному лесу. Мальчишкам страшно было покидать уютный светлый круг у костра, и конечно, думали они, раз учитель промолчал, значит, можно и остаться посидеть здесь, но тогда вовек не увидишь волшебного камня с отпечатком лапы Чудо-Медведя, и ребята дружной стайкой потянулись за стариком. Он довольно усмехнулся в густую седую бороду: трусов нет среди этих ребят. Они прошли сквозь густые заросли какого-то кустарника, перепрыгнули через небольшой ручеек и вскоре вышли на небольшую поляну, окруженную стройными высокими елями. Старик взмахнул горячей веткой, чтобы огонь разгорелся поярче, и протянул руку к огромному валуну, стоящему прямо перед ними, в центре поляны. Падали, тая в темноте, многочисленные искры, и при их неровном таинственном свете ребята увидели глубокий след, прорезавший камень. След медвежьей лапы.

– Языческие капища – это когда они идолов своих расставляли по кругу? – Станислав Владимирович несколько не смутился примитивности своих познаний.

– Типа того, – согласилась я.

Вот привязался. Я уже и не рада была, что завела с ним этот разговор, и поэтому демонстративно продолжила писать дневник. «Включения желтого песка встречаются небольшими линзами...»

– Я хочу вам кое-что показать.

Ишь, хозяин жизни – он хочет показать, а хочу ли я смотреть? Конечно, я не сказала этого вслух, все-таки воспитанная, елки-палки, но мне уже не восемнадцать и даже не тридцать, чтобы совсем уж безропотно подчиняться глупым условностям. Поэтому я довольно медленно подняла глаза и, слегка вопросительно изогнув бровь, молча посмотрела на Дрозденко. Пауза получилась. И он счел нужным объяснить:

– Вас же не было в том году.

Я вздохнула и посмотрела на часы:

– Я должна отпустить рабочих на обед, это через десять минут.

Я уже успела сообразить, что, скорее всего, это что-то археологическое, а значит, посмотреть нужно. То есть, конечно, не то чтобы нужно, раз это уже было в прошлом году, но хотелось. Командир кивнул довольно охотно: «Я подожду».

Когда я наконец вылезла из ямы и мы направились к строящемуся дому, на горизонте появился Мишель. Ну, не на горизонте, конечно, а в воротах, однако меня и Дрозденко он заметил. Я помахала ему рукой, получив в ответ скептический кивок. Теперь объясняться придется. И зачем мне такой друг, перед которым я должна отчитываться? У меня муж для этого есть. Я разозлилась. Действительно разозлилась. А тут еще Дрозденко прошел мимо дома и направился вниз к реке по широкой, но пока еще не сильно обустроенной лестнице.

– Куда мы направляемся? – Мой вопрос прозвучал немного раздраженно. Конечно, обеденный перерыв всего час, а мне и поесть надо, и отдохнуть хоть немного в тишине, и раньше рабочих в раскоп спуститься – таковы правила, и это не обсуждается: мы первыми спускаемся в раскоп и последними вылезаем из ямы. Поэтому тащиться куда-то неизвестно еще ради чего мне совсем не хотелось. И еще с Мишелем объясняться...

– Это совсем рядом, – не оборачиваясь, сказал Станислав Владимирович, – уже и пришли.

Он свернул за какой-то куст и остановился. Я выглянула из-за куста. Прямо перед нами лежал огромный гранитный камень. Большой валун темно-серого цвета с точечными черными вкраплениями. Гладкая, почти отполированная поверхность его была нарушена четырьмя глубокими бороздами, прорезавшими камень наискосок сверху донизу, и заканчивалась округлой вмятиной.

– Культовый камень, – машинально сказала я вслух, – похоже на след какого-то большого зверя...

– Это медвежий след, – уверенно заявил Станислав Владимирович, – поверьте, Ксения Андреевна, старому охотнику.

– Медвежий? – удивилась я. – Каким же должен быть этот медведь, чтобы такого размера след оставить?

– С гору, – с улыбкой ответил Стас Командир, он доволен, что камень произвел впечатление. Да, действительно, камень произвел на меня сильное впечатление. И выглядит он внушительно, чувствуется в нем какая-то мощь. Основательный камень.

Я принялась осматривать необычный валун.

– А знаете, Ксения Андреевна, – неожиданно говорит Станислав Владимирович, – сколько человек хотели его у меня забрать – выкупить, украсть, выпросить? Умоляли, угрожали... Но не поддался я.

– А музей не хотел его забрать?

– А вам хранить его негде, – довольно весело и даже, я бы сказала, радостно развел руками Дрозденко, – да и неподъемный он, честно говоря.

– А как он здесь оказался?

– Так из раскопа же, – пожал плечами Станислав Владимирович. – Он был на дне большого колодца, на самом материке. Разве Маришка вам не говорила? А чтобы не мешал стройке, его перенесли сюда. Здесь же парк будет.

Надо же – «Маришка»... Ладно, не мое это дело, в конце концов.

– Как перенесли-то? Сами говорили, что он неподъемный!

– В Египте вон какие пирамиды отгрохали, и без техники, между прочим. Людские возможности безграничны...

Я протянула руку к камню. От него исходило слабое тепло. Конечно, я понимала, что камень просто нагрет августовским солнцем, но почему-то мне было очень приятно прикасаться к нему, даже хотелось присесть перед ним на корточки и прижаться щекой к гладкой поверхности. Но рядом стоял Стас Командир, а при нем проявлять эмоции мне не хотелось.

Я незаметно вздохнула, но руки от камня не отняла, продолжив легко поглаживать теплые бока валуна, проводя пальцами по глубоким следам «медвежьей лапы».

– Осторожнее с камнем-то, Ксения Андреевна, – чуть насмешливо заметил Станислав Владимирович, – в нем темные силы дремлют.

Я улыбнулась и искоса посмотрела на Стаса. Никогда бы не поверила, что такой человек, как Стас Командир, верит в темные силы.

– Что вы улыбаетесь? – Он подошел ближе и тоже дотронулся рукой до камня. – Не верите?

– Нет. – Я все-таки опустила на корточки и прижалась щекой к камню. – Не верю.

Ласковое тепло камня расслабляло и успокаивало. Неожиданно я поймала себя на том, что веду себя и разговариваю с Дрозденко так, будто он мой давний приятель, с которым в институте, например, мы бегали в столовку или передавали друг другу шпаргалки на экзамене. Это было немного странно, но сейчас не имело никакого значения. Может, и правда камень колдовской? Я улыбнулась своим мыслям.

– А мне рассказывали, что камень этот ритуальный, на нем приносили жертвы разным злым духам, – все так же насмешливо, но уже с каким-то едва уловимым мальчишечьим упрямством продолжал Стас, – по этим желобкам стекала кровь жертвы, скапливаясь в углублении...

– Все равно не испортите мне настроения, – с упрямством ответила я. Но на самом деле расслабленность моментально прошла. Я с сожалением встала: – А кто вам об этом рассказывал? Неужели Марина?

– Нет, – покачал головой Стас. – Те, кто хотел его забрать.

– А, пугали... – Я понимающе кивнула. – Да не на того напали?

Мы решили вернуться на площадку. Мы пробыли около камня всего минут двадцать, а у меня было ощущение, что прошло гораздо больше времени и что обеденный перерыв должен уже закончиться. Но оказалось, что время еще осталось и можно было даже спокойно поесть. У дома мы расстались.

– Спасибо, Станислав Владимирович, что показали мне камень, – сказала я и как будто снова вернулась в реальность: я – археолог, он – заказчик. Ничего личного.

У небольшого каменного сарая, где располагается наша камералка, стоял Мишель. Камералка – это место, где первоначально обрабатываются все наши находки: их тут считают, сортируют, моют, заворачивают и готовят к отправке на археологическую базу. Там, на базе, идет уже настоящая обработка: те экспонаты, что нуждаются в реставрации, отправляют к реставраторам, остальные заносят в компьютерную базу данных, зарисовывают, фотографируют, присваивают учетные номера, чтобы потом передать на хранение в фонды музея. Заведует нашей полевой камералкой Катенька. Она в этом году окончила институт и теперь работала у археологов. В поле Катя работать не любит: еще будучи студенткой, она пробовала быть и начальником участка, и чертежником, но не получилось – она очень боится землекопов. Голос у нее тихий, сама она девушка робкая, поэтому рабочие ее не слушаются. Они и землю копают глубже, чем надо, и плохо ее перебирают, и спорят по поводу расчетов. Сплошные мучения. А на камералке – очень хорошо. Предметы Катя знает, считает косточки и черепки быстро, заворачивает ловко... В общем, на месте человек.

Катенька сидела около входа на маленькой скамеечке и разбирала лоток – кости животных в одну сторону, керамику – в другую, гвозди – в третью... А Мишель стоял рядом.

– Катюша, обед, – подходя ближе, говорю я, – пе-ре-рыв!

– Сейчас, сейчас, Ксения Андреевна, последний лоточек разберу и иду.

– Мишель, – обращаюсь я к другу, – ты чего стоишь здесь?

– И куда это вы ходили, Ксения Андреевна? – игнорируя мой вопрос, спрашивает Мишель. – Можно узнать? – спросил он, как всегда, с легкой иронией, даже с издевкой, но ласково.

– А тебе-то что за интерес? Можно узнать? – я тоже спросила с иронией, ласково и весело, при этом взяла его под руку и повела в здание. Миновав несколько пустых комнат, между которыми нет дверей, мы оказались в нашей камералке, где стоит большой стол, за которым мы обычно едим. Марина уже вскипятила электрический чайник, нарезала хлеб и колбасу для бутербродов.

– Где тебя носит? – весело спросила она. – Мы уже оголодали тут...

– Вот-вот, Марина Николаевна, – подхватил Мишель, – спросите-ка, где это Ксению Андреевну носит и, главное, с кем.

– С кем? – послушно спросила Марина.

– И почему это у всех камералки как камералки – теплый вагончик или квартира в доме по соседству, а у нас вечно какой-то сарай – либо недостроенный, либо уже разрушенный? – проворчала я, усаживаясь на лавку возле стола.

– Вы от ответа не увиливаете, Ксения Андреевна. – Мишель тоже сел. – Расскажите начальнику, где были.

– Вот пристал, – засмеялась я, – мы ходили с Дрозденко смотреть культовый камень. Мариш, ты мне про него не рассказывала...

– Слушай, Ксюша, а не успела просто. Он же уже в конце, на самом материке, был, а тебя чего-то тогда не было. В командировке ты была, по-моему.

– Ну да, мы же раньше закончили, а потом я сразу в Москву уехала почти на неделю.

– Вот-вот. Ну а потом как-то забылось.

– Мариш, я что-то не поняла, он в колодце был?

Камень очень большой, это же что нужно сделать, чтобы его в колодец спустить?

– Не совсем. – Марина покачала головой. – Тут видишь какая штука: он был в яме, но в верхней части этой ямы было прямоугольное, даже почти квадратное, сооружение из бревен. Для колодца – большое, для дома – маленькое. Я даже пока и не знаю что. Условно назвали колодцем.

– Интересный камень, красивый... – Я вспомнила свои ощущения. – Приятный такой, теплый на солнышке.

– Это который с медвежьей лапой? – переспросил Мишель. – Да, забавная штучка. – Мишель у нас специалист по разным легендам и мифам.

«Надо будет, – подумала я, – порасспросить его потом, какие есть „медвежьи“ сказки».

Он опять пришел сюда ночью. С тех пор как старик показал им медвежий камень, Олешка приходил сюда, как только появлялась возможность. Раньше, когда был маленьким, он убежал из дома днем, потому что вечерами мать не отпускала одного в лес. Когда же ему исполнилось пятнадцать и он считался охотником и воином, он стал приходить сюда по ночам, потому что днем было много дел. Раньше они прибегали сюда с друзьями, иногда с Нежданой, теперь же он чаще приходил один. Он звал сегодня Неждану, но она только пожала плечами, украдкой взглянув в угол, где лежала ее мать. Олешка прождал девушку до восхода луны, но Нежданка не появилась. И он пошел один. Камень встретил его теплом, накопленным за солнечный день. Сколько лет приходили люди к камню, и ни разу он не был холодным. Олешка сел на землю и прижался плечом к граниту. Рана, полученная весной, все еще болела, мешала и сковывала движения, но от теплого прикосновения камня боль угасала, пряталась куда-то глубоко и долго потом не беспокоила. Олешка еще плотнее прижался к камню и прикрыл глаза. Он не спал, он слушал лес, он слушал ветер, и еще он думал. Вспомнилось ему, как несколько зим назад поставили на горе, что около поселка, деревянный дом, на странной крыше которого установили крест. А потом всех согнали в реку, и почему-то все плакали. Маленький Олешка ничего не понял тогда, только потом объяснили ему, что теперь духов нет, есть один главный Дух и живет он в этом деревянном доме. Олешка не поверил. Неждане и другим девочкам в доме с

крестом понравилось – конечно, там было тепло и уютно, там не падали на плечи холодные капли дождя, не залезал за ворот рубахи пронизывающий ветер, но Олешка любил лес. И не важно, что земля здесь бывает сырой и холодной, и не важно, что от мокрых веток набухает рубаха, зато воздух свежий и терпкий, полон запахов и звуков, по ним Олешка мог многое определить: мог узнать, будет ли завтра светить солнце или пойдет дождь, мог сказать, какой тропинкой пробежала лисица и где прятался от нее заяц. Да, Олешка любил лес. И непонятно было ему, куда подевались духи, как мог исчезнуть, скажем, Дух огня? Разве он умер или ушел? Попробуй, оставь его без присмотра – быстро поймешь, что шутки с ним плохи. Или, например, медвежий камень. Олешка сонно улыбнулся. Вспомнил, что когда опасность надвинулась на их поселок, то все пошли к камню просить защиты.

Ходят, конечно, ходят и в деревянный дом с крестом, особенно женщины, и просят там и защиты, и помощи, но и камни не забывают, и лес, и ветер, и солнце... И малышей старик все так же приводит сюда в новую луну и рассказывает им про духов лесных, про Чудо-Медведя...

Стоит медвежий камень, и спит, прижавшись к нему, мальчишка. Словно быстрокрылые птицы пролетают над ними года, и вот уже и сын Олешки и Нежданы прибегают к камню. Вот и поселок стал городом, и вознеслась над ним белокаменная церковь, поставленная взамен деревянной. А камень стоит, и спит около камня мальчишка...

– Доброе утро, – Станислав Владимирович остановился на краю раскопа, улыбается: – Как дела?

– Доброе, – улыбнулась в ответ Марина, – дела отлично...

– «Дела отлично, как обычно», – процитировала я себе под нос известную песню, но удержалась все-таки, не продолжила: «А с личным? Ну, вот только с личным – привет».

В конце концов, я же решила, что их отношения – это не мое дело. К счастью, землекоп на моем участке нашел что-то ему неизвестное и призывно махнул рукой. Я с готовностью пошла к нему. Неизвестным предметом оказался ледоходный шип, и я зафиксировала его в дневнике, а потом заполнила на него полевой паспорт, как на индивидуальную находку.

Молодой парнишка некоторое время с интересом разглядывал свою находку и наконец спросил: для чего этот странный предмет? Я с удовольствием принялась объяснять, что эти шипы приделывали к обуви, чтобы ходить по льду и не скользить. И конечно, тут же рассказала известную байку о том, как когда-то одна студентка, первый раз работающая на раскопе, была поставлена записывать находки под диктовку опытного археолога. Он деловито и быстро диктовал: «Грузило каменное, поплавок деревянный, шип ледоходный, бусина мелкая...» В перерыве девушка робко спросила археолога: «Скажите, пожалуйста, что такое *шипле* и какой с него был доход?» Ничего не понимающий археолог заглянул в список: «Грузило деревянное, поплавок каменный, шипле доходный, бусенна мелкая...»

Мои землекопы радостно погоготали над каменным поплавком и доходным шипле и с усиленной энергией взялись за переборку земли.

– Ксения Андреевна!

Я подняла голову. Ну, конечно, Станислав Владимирович собственной персоной.

– Я должен уехать на несколько дней...

Видимо, заметив мое совершенно искреннее недоумение, он замолчал на какие-то доли секунды. И в самом деле, что это он отчитывается? Этот вопрос отчетливо читался на его лице, и я невольно поспешила ему на помощь:

– Мы постараемся без вас культовых камней не раскапывать.

Напоминание о камне вырвалось у меня случайно, видимо, потому, что только нашей с ним беседой там, у камня с медвежьей лапой, я могла объяснить его приход сегодня.

– Да уж, пожалуйста, – почти обрадованно ухватился за эту идею Дрозденко. – И если что интересное будет – попридержите, на базу не увозите, чтоб можно было посмотреть...

– Это к начальнику, к Марине Николаевне, – с усмешкой сказала я. – Как она скажет, так и будет.

Меня снова позвали землекопы, теперь чтобы проверить уровень слоя, и я, улыбнувшись – «До свидания, удачи!» – пошла к нивелиру, чтобы взять отметки. Краем глаза заметила, как Станислав Владимирович, поговорив о чем-то с Мариной, быстрым шагом направился к дому, на ходу набирая на телефоне чей-то номер.

В воротах забора, условно огораживающего строительную площадку, появилась Татьяна, моя подруга из музея. Она остановилась и нерешительно и немного нервно огляделась, выискивая раскоп.

Быстро взбежав по трапу, я энергично помахала ей рукой.

– Привет, – радостно поприветствовала я подругу, – какими судьбами?

Вопрос был далеко не праздный, еще только начало рабочего дня, и Тане положено было быть на работе, в музее, а она разгуливает по раскопам. Значит, либо по делу пришла, либо по делу шла, а к нам по пути заглянула, либо в отгуле.

– Вот, зашла посмотреть, как вы тут деньги зарабатываете, пока мы в музее паримся.

Началось... Я лишь улынулась и слегка покачала головой. Меня это уже перестало задевать, немного было неприятно, что такие слова говорила подруга, но я на нее не обижалась. Каждый сезон часть сотрудников музея уходила на раскоп, а другая часть возмущалась, что они, дескать, в музее работают, а кто-то пока деньги гребет лопатой. И это при том, что на раскоп приглашали всех, бывало, что катастрофически не хватало участков или чертежников, но та часть коллектива, что возмущалась, на раскоп идти не хотела. На раскопе тяжело. Здесь не посидишь, не попьешь чайку, не уйдешь, если надо, пораньше. На раскопе то очень жарко, то сыро и холодно. На раскопе грязно, руки трескаются и шелушатся, маникюра нет и в помине. На раскопе шумно – рядом стройка, а это машины, краны, молотки и сварочные аппараты. Одним словом, это не курорт. Поэтому на самом деле немногие идут на раскоп. Конечно, часть оставшихся понимает, что просто так денег не платят, и даже сочувствует, но часть тех, кто не идет, возмущается. Вот такая странная ситуация. «Мы сидим – и вы сидите!» Первое время мы расстраивались, оправдывались, искренне предлагали работу на раскопах, а потом успокоились. Те, кто хотел, – работали, а кто не хотел, пусть себе говорят... Странно только, что Татьяна присоединилась к «возмущенным», она и сама иногда работала на раскопах и в этом сезоне уже успела покопать, но я не хотела сейчас выяснять отношения и разбираться.

– Как дела? – спросила я вполне миролюбиво.

– Нормально, – довольно резковато ответила подруга, и я все-таки насторожилась: в чем дело? Она что, до сих пор сердится, что я увольняюсь? Так и есть, следующие слова подтвердили мои догадки.

– Так ты что, Ксения, серьезно уходишь, что ли? – напрямик спросила Таня. – Не вернешься уже в музей?

– Нет, не вернусь, – вздохнула я. – Танюш, уже все решено: заканчиваю раскоп – и на новое место.

– Ну вот, а я должна, значит, мучиться, – раздраженно проговорила она. – Значит, вы умные, нашли куда деться, а мы, значит, дураки, должны...

Понеслось... Все это я уже слышала не раз, не два и не три. Какое-то время я покорно слушала, изредка вставляя: «Танюш, перестань, Тань, ну что ты, Таня, подожди, может, все уладится», но мои слова только больше раззадорили ее. Со словами «все вы такие, ладно, я пошла» она собралась уходить.

– Заходи, – сказала я напоследок, даже не пытаясь ее задержать.

– Зайду, конечно, – неожиданно покладисто ответила Татьяна, – может, уговорю тебя остаться. Ты же здесь еще месяц, наверное, пробудешь?

– Да, не меньше, – кивнула я, не обращая внимания на предупреждение о предстоящих уговорах, – заходи почаще.

– Кстати, – сделав несколько шагов, Татьяна снова повернулась ко мне, – ты знаешь, Мыльников тоже уходит.

– Лена? – почти не удивилась я, хотя и не знала об этом. – А куда?

– В архив, конечно, – Татьяна пренебрежительно повела плечами. – Не знаю, чего идет, денег там не больше, чем в музее.

– Зато там спокойнее работать, – не согласилась я, – и потом, ее давно звали туда.

– Все разбегается, – проворчала подруга, – ладно, пока.

Какое-то время я смотрела ей вслед. Мне было жалко ее, и я не сердилась на ее выпады. Татьяне давно за сорок, она на несколько лет старше меня и всю жизнь проработала в музее. Поэтому уйти ей и правда некуда – уж больно специфическая у нас специализация. Мне просто повезло.

Как нарочно после отъезда Дрозденко просто валом пошли замечательные находки. За три последующих дня стеклянные бусины уже перестали вызывать ажиотаж, перестали сбегаться на каждую монетку-чешуйку землекопы, а шиферные пряслица Марина пообещала скоро причислить к массовым находкам, наподобие гвоздей. Это, конечно, была шутка, шиферные пряслица – редкая находка, они привозились к нам только в период Киевской Руси, а значит, до тринадцатого века. Все это радовало, создавало хорошее рабочее настроение. Землекопы старательнее перебирали землю, потому что когда было что искать, то искать становилось интереснее. Скучно же выискивать в земле одни и те же глиняные черепки. Это только сумасшедшим археологам «интересен каждый фрагмент». А с точки зрения простого землекопа, все не так романтично. Они же видят, как большинство черепков и косточек, которые они с таким старанием выискивают в земле и складывают в лотки, мы просто пересчитываем, а потом выбрасываем. Те, что попонятливей, сообщают, что статистика массовых находок – керамики, костей животных, гвоздей и тому подобного – указывает на степень заселенности этой территории в определенный период, но большинство об этом даже не задумывается. Поэтому когда идет одна керамика да кости, интерес постепенно падает, и переборка становится все хуже и хуже. Другое дело – индивидуальные находки. Когда они появляются, качество переборки взлетает на невообразимую высоту – «если на соседнем квадрате что-то откопали, то, значит, и у меня может быть». Всем интересно найти браслетик или кольцо. Пусть бронзовое. Или бусину золотостеклянную. Найдешь такую – весь раскоп сбегается посмотреть, начальники охают, восхищаются, историю какую-нибудь замечательную рассказывают.

Я записывала в дневник как раз такую золотостеклянную бусину, когда услышала негромкий, как будто сдавленный крик. Резко подняв голову, я увидела, как один из землекопов – молодой парнишка – зажимает одной рукой другую, по которой обильно течет кровь. Его напарник с вытаращенными глазами смотрит на него, сжимая к руке окровавленную лопату. Я бегом несусь к ним.

– Покажи. – Я схватила парня за локоть, значительно выше того места, откуда текла кровь. Землекоп морщился, но продолжал зажимать рану. – Да убери ты руку свою грязную, еще не хватало...

Он послушно отнял руку от раны.

– В камералку, за аптечкой, быстро! – скомандовала я ошалевшему напарнику, и мальчишка стрелой понесся к сараю. А я потянула незадачливого землекопа из раскопа к крану с водой.

Аккуратно обмыв рану, я попыталась ее разглядеть. В это время прибежала Катенька с аптечкой. Отыскав перекись водорода, я залила рану.

– Терпи, Максим! – Мальчишка морщился от боли. – Мне надо посмотреть.

То, что я увидела, успокоило: рана была хоть и широкая, но неглубокая, ни сухожилия, ни вены задеты не были. Крови же так много оттого, что рана большая.

Стерильный тампон, бинт – я крепко и привычно забинтовала руку.

– Сколько можно говорить, Максим, переборка идет только на носилках, – ругала я парня, попутно накладывая повязку, – какого ты под лопату полез? Ведь Сережа не успевает остановиться. Ты что, первый день работаешь?

– Простите, Ксения Андреевна, – Максим смущенно оправдывался, – там что-то блеснуло...

– Ты за технику безопасности расписывался? Инструктаж проходил? – Я почему-то никак не могла успокоиться, а больше входила в раж: – Нельзя под лопатой перебирать, только на носилках! В крайнем случае, увидел что-то – предупреди напарника-то...

– Как вы ловко бинтуете, Ксения Андреевна, – Максим попытался меня отвлечь. – Как профессиональная медсестра...

– Станешь тут профессиональной медсестрой! Ты, наверное, думаешь, ты один такой бестолковый? У меня же опыт с вами какой! Кто под лопату лезет, кто мозоли кровавые сдирает, кто на трапе падает. – Я закончила перевязку. – Все, боец, на сегодня отвоёвался. Иди переодевайся, я пока тебя рассчитаю.

– А завтра можно приходить? – Максим был явно расстроен.

– Сейчас пойдешь в травмпункт, пусть сделают укол и посмотрят, – привычно объяснила я, – если там все в порядке и к вечеру не разболится, то завтра приходи. Но в рубашке с длинным рукавом, чтобы все было закрыто.

– Ксения Андреевна, зачем в травмпункт? – привычно начал скулить землекоп. – У меня и не болит почти...

– Ты про анаэробную инфекцию слышал? – довольно жестко сказала я. – Кроме того, здесь же слой пятнадцатого века, там свои микробы были. – Я постаралась объяснить как можно доступнее: – У нас на них может не быть иммунитета. Понял? – Максим неохотно кивнул. – Без справки из травмпункта на раскоп не допущу, – добавила я на всякий случай. – Иди, дорогой.

Максим ушел переодеваться, а его напарник вместе с Катенькой направились в камералку – отнести аптечку и взять ведро. Я достала калькулятор, чтобы посчитать работу Максима.

– Ксения Андреевна, Ксения Андреевна, вы абсолютно неправильно себя ведете! – насмешливо-радостный голос за спиной заставил меня резко обернуться: Станислав Владимирович.

– Почему неправильно? – спросила я машинально.

– Вы должны быть хрупкой и беззащитной. У вас же имя такое – Ксения Андреевна, – он произнес мое имя слегка нараспев. – Так звали девушек из института благородных девиц. А при виде крови вы должны были в обморок упасть. Вы же ведете себя как... – он слегка запнулся, подыскивая сравнение, – как Ксанка из «Неуловимых».

– «А ты не путай теплое с мягким, – процитировала я свою излюбленную гоблиновскую фразу. – Добро победит в перспективе». Это в душе я хрупкая и беззащитная, а в реальности приходится спасать мир, пусть в лице таких вот мальчишек...

«Как это я перешла на „ты“?» – подумала я.

Впрочем, это же была цитата, да и несмотря на мои уверения, что оказывать на раскопе медицинскую помощь уже вошло у меня в привычку, все-таки это не совсем была правда. Бинтовать я, конечно, умела и раны обрабатывать тоже, но все равно каждый раз нервничала, вот и молчала языком что ни попадя.

– Ну, как вы тут без меня? – улыбнулся Станислав Владимирович, видно, поездка прошла удачно. – Трупов больше не было?

– Типун вам на язык, – строго ответила я. – С ума сошли, что ли?

– Шучу, шучу, – Стас поднял вверх руки. – Только не стреляй, Ксанка...

Я засмеялась. Почему-то мне понравилось, как он меня назвал, хотя...

– Ксанка – это от Оксаны, по-моему, – не очень уверенно сказала я.

– А какая разница, главное – это из «Неуловимых мстителей», и тебе идет.

На это возразить мне было нечего, и я просто засмеялась. Однако побеседовали – и хватит, пора было возвращаться в яму.

Ближе к обеду я обнаружила, что у меня закончились бланки паспортов на индивидуальные находки. Да, раскоп явно старался нас порадовать: такого количества находок давненько не было. Я хотела было крикнуть Катеньке, чтобы она принесла мне паспорта, но увидела, что она сидит на лавочке и моет в ведре керамику, которая должна пойти на хранение. Руки ее в резиновых перчатках, мокрых и довольно грязных, чтобы принести паспорта, ей придется их снимать, а это не очень простое дело. «Ладно, – подумала я, – сама схожу».

– Катюша, где у тебя паспорта? – Я подошла к девушке и, заметив, что она порывается встать, похлопала ее по плечу: – Сиди, я сама возьму, только скажи где.

– Ксения Андреевна, они в коробке около окна, – Катюша на мгновение задумалась и уточнила: – Коробка из-под ксероксной бумаги. Ой, может, вы тогда и щетку мне другую принесете? На подоконнике лежит, желтенькая такая...

– Принесу, – охотно согласилась я, – может, еще куртку тебе? А то солнышко уже от твоей скамеечки ушло.

– Угу, – с благодарностью и смущением пробормотала Катя, – пожалуйста.

Я пошла в камералку. Ну почему у всех камералки как камералки – камеральные лаборатории, а у нас даже окон нет, вернее – окна есть, а вот рам и стекол в них нет! Кажется, я уже об этом не раз говорила, но факт оставался фактом. Я нашла желтенькую щетку на подоконнике и наклонилась к коробке, чтобы набрать себе пачку паспортов. И в этот момент услышала голос Дрозденко прямо под нашим окном:

– Опять?! Отвали от меня, пока я тебя по стенке не размазал!

– Я что, я уйду, – ответил ему дребезжащий, но определенно мужской голос, – я только сказать хотел, что вот и лопата кровушкой обагрилась, говорили тебе...

Я замерла, присев около коробки. Станный голос, интонация странная: вроде как угрожающая и в то же время как будто испуганная. Как будто человек и сам боится того, о чем говорит. Или того, с кем говорит? Я боюсь выглянуть, но разговор стих, только слышны удаляющиеся шаги.

О чем это они говорили? О Максиме? Но ведь это случайность... Меня почему-то бросило в жар. Неприятно вспотела спина и даже шея. Пересилив страх, я осторожно приподнялась и выглянула в окно. Дрозденко стоял, засунув руки глубоко в карманы, и смотрел куда-то вдаль. Того, с кем он разговаривал, видно не было. Постояв еще секунду, Станислав Владимирович вытащил из кармана пачку сигарет, задумчиво повертел ее в руках, а потом неторопливо достал зажигалку. Внешне он был совершенно спокоен, и только когда начал прикуривать, я вдруг отчетливо увидела, как дрожат у него кончики пальцев...

Я тихо опустилась на скамейку. Опять что-то произошло. Вернее – не произошло, а продолжает происходить, потому что он сказал «тебе же говорили». Значит... Ну при чем тут Максимкина царापина? Такое на раскопе часто бывает, когда ребята увлекаются, поэтому и держим аптечку наготове и пополняем ее все время. Так что ничего страшного не случилось. Или все-таки случилось, а я просто не знаю? И вовсе не Максимкину лопату он имел в виду? «Господи, – подумала я, – ну почему так путаются мысли? Жар сменяется ознобом. Что происходит? Надо взять себя в руки и подумать. Но не сейчас. На обеде. Сейчас нужно вернуться на раскоп и спокойно дожить до перерыва. А там уйти куда-нибудь от всех подальше и все обдумать. Да. Это правильно».

Успокаивая себя таким образом, я вышла на улицу. Странное дело, но я не забыла ни паспорта, ни желтенькую щетку, ни куртку для Катюши. Не свойственная мне сосредоточенность,

обычно я в экстремальных ситуациях прихожу в ступор. Может, ситуация не экстремальная? Я усмехнулась про себя: экстремальность ситуации – это наша реакция на любую ситуацию. Для милицейского капитана труп на раскопе – не экстремальная ситуация, а для меня загадочная интонация неизвестного мужчины – экстремальная. «Ладно, об этом тоже подумаю, – решила я. – Главное, чтобы до обеда больше ничего экстремального...»

– Ксения, иди сюда. – Марина махнула мне рукой.

Ну вот, сглазила.

Около Марины стоял Олег Георгиевич. И зачем только я вспомнила о нем и о трупе? Мне совсем не смешно, скорее наоборот, у меня даже чуть-чуть начала кружиться голова от какого-то внутреннего напряжения, но тем не менее я подошла к ним, улыбаясь, и даже пошутила:

– Зачастили вы к нам, Олег Георгиевич. Может, во вторую смену покопать придете? Нам люди нужны.

– С удовольствием бы, но только если в ночную, а то днем не вырваться никак, – поддержал шутку капитан.

Оказывается, он зашел спросить, не было ли чего новенького, и заодно принес фотографии происшествия. Честно говоря, смотреть эти фотографии я не хотела и попыталась отвертеться, но Олег Георгиевич настоял:

– Взгляните, Ксения Андреевна, это место происшествия. Всех ли рабочих вы видели на стройке, может, на фотографиях есть кто-то, кто появился здесь только раз?

Очень смешно. Как будто мы знаем всех рабочих со стройки. Своих землекопов мы, конечно, знаем всех, но их на момент происшествия здесь еще не было. А уж рабочие со стройки... И все-таки я просмотрела фотографии. Быстро, не задерживая взгляда на деталях, в общем-то, лишь делая вид, что смотрю, только для того, чтобы капитан от меня отстал. Какой по счету была *та* фотография – восьмой или двенадцатой, – я не знаю. Но когда я увидела ее, что-то резко ударило в затылок, сбилось дыхание, рука, державшая фото, дрогнула, и я чуть не выронила всю пачку. Осторожно подняв глаза, я огляделась. Слава богу, никто, кажется, моей такой неожиданной реакции не заметил. Марина с Олегом Георгиевичем были заняты разговором, а больше рядом никого не было. Я снова опустила взгляд на жуткую фотографию. На ней крупным планом изображена грудная клетка бомжа с нанесенными повреждениями. Четыре глубокие царапины прорезали кожу наискосок сверху донизу и заканчивались небольшой округлой вмятиной. Я узнала его сразу. Медвежий след. Медленно я перебрала оставшиеся фотографии и снова вернулась к *той*. Потом опять, уже внимательно, просмотрела остальные. Теперь я вижу этот знак и на других фотографиях. Четыре глубокие борозды отчетливо видны на спине и руках.

Гулко застучало сердце, и моментально пересохли губы. О том, что это может быть обычным совпадением, я даже не думаю. Слишком уж похоже. Что делать? Что мне делать? Сказать капитану?

– Посмотрели, Ксения Андреевна? – Олег Георгиевич спокойно взглянул на меня. – Никого не заподозрили?

– Нет, – почему-то я не сказала ему про след, что-то удерживало меня. Это неправильно, я должна была ему сказать, но язык отказывался повиноваться.

Что же делать? Говорить? Не говорить? Пожалуй, сначала я должна посмотреть на камень. А что, если я ошиблась и это не очертания следа? Слабое оправдание, но другого я не придумала. Я протянула пачку фотографий капитану:

– Я плохо знаю рабочих со стройки, Олег Георгиевич, мы с ними почти не соприкасаемся, – извиняющимся тоном проговорила я, – так что простите...

– Да ничего, все понятно, – Олег Георгиевич убрал фотографии. – Это же скорее к начальнику стройки, я понимаю, а к вам я так, на всякий случай...

Время до обеда тянулось чрезвычайно медленно. За пятнадцать минут до перерыва я все-таки не выдержала.

– Ребята, – обратилась я к «своим» землекопам, к тем, что работали у меня на участке, – давайте заканчивать, мне нужно пораньше уйти на обед.

Прошло еще минут десять, прежде чем я смогла уйти.

– Мариш, вы не ждите меня обедать, я пойду погуляю немного...

– А если Мишель придет? – с легкой усмешкой спросила Марина.

– Не придет, он вчера был, в крайнем случае скажешь, что я обедала.

– Врать?! – засмеялась Марина. – Как не стыдно...

Вымыв руки под краном на краю раскопа, я деловым шагом пошла к реке. Я шла с сосредоточенным выражением лица, держа в руке тетрадь и поглядывая на часы. Весь этот антураж был исключительно для того, чтобы никто не пристал по пути: пусть думают – идет человек по делу, до обеда успеть должен, нечего отвлекать. В общем, обычно это срабатывает. Сработало и в этот раз. Спустившись по широкой лестнице, вскоре я остановилась около камня.

Первый робкий луч солнца коснулся лица, и мальчик открыл глаза. Завертел светловолосой головой, потер щеки и, потянувшись, расправил плечи. Пора. Отец никогда не ругал его за то, что он ночует около камня, лишь бы с рассветом был дома. Андрейка встал, легко и привычно коснулся рукой валунного бока, благодаря камень за защиту и тепло, и быстрым шагом направился к дому. Издалека услышал он колокольный звон, проходя по улице, заметил светливое движение в соседних дворах, а подойдя к своему дому, услышал плачущий голос матери: «Олешка, где наш сын? Ну почему ты разрешаешь ему ночевать в лесу?» – «Успокойся, Неждана, – голос отца был тверд, – Андрейка придет». Быстро вскочив на крыльцо, Андрейка распахнул дверь: «Мам, я здесь!» Оказалось, что под утро прискакал из пригорода гонец с дурными вестями. Снова сожжены деревни, и враг направляется к городу. Отец, уходя, быстро обнял мать и повернулся к сыну: «Андрейка, идите к камню, просите защиты у медвежьей лапы». И они пошли. Все, кто не мог биться с оружием, все пошли к камню. Дети, женщины, старики. Просили защиты, похлопывая камень по гладким бокам, становясь на колени и прижимаясь к нему лбом. А от камня пошли в церковь белокаменную и там просили защиты, ставили свечи, молились, становясь на колени и прижимаясь лбом к полу. И вернулись с победой мужчины, и даже близко к городу не подошел враг. Но именно тогда впервые услышал Андрейка, как недовольно сказал священник: зачем, дескать, к камню ходили, только от Бога отвлеклись. Бог великодушен, Он простил людей за то, что сначала к камню пошли, но если и дальше так будет – рассердиться может и лишит город своего покровительства. Странными показались эти слова Андрейке, но переспрашивать он не стал. Ведь главное, что отец вернулся живой и невредимый, а Бог ему помог или камень медвежий – Андрейке было все равно.

Одного взгляда на камень было достаточно, чтобы убедиться в том, что я ничего не перепутала. Четыре глубокие борозды в точности повторяли наклон и расположение царапин на теле бомжа. Вернее, конечно, царапины в точности повторяли следы на камне. И от этого как-то сразу не стало сил, и я тихо опустилась на землю. Мой пенопластовый сидельник при мне, спиной я облокотилась на теплый камень и, устроившись поудобнее, закрыла глаза. Но ни о какой расслабленности не может быть и речи. В голове гулко пульсирует кровь, пальцы нервно и оттого неритмично постукивают по тетрадке, лежащей на коленях, а мысли скачут беспорядочно, и никак их не успокоить, и никак не сосредоточиться. Все путается, и сейчас мне даже не вспомнить, о чем я хотела подумать в тишине. Ага, вспомнила, о странном подслушанном разговоре. Странные угрозы, намек на окровавленную лопату... Меня снова бросило в жар. А может, это связано? В смысле убийство и разговор. А может... Додумать я не успела.

– Ксанка, что случилось?

Я открыла глаза. Станислав Владимирович стоит рядом, засунув руки в карманы своих дорогих джинсов, и требовательно смотрит на меня. Конечно, глупо отрицать, что что-то случилось, но из-за его требовательного взгляда мне снова стало обидно. Я молчу, не просто молчу, а выдерживаю многозначительную паузу с вопросительно поднятой бровью, как тогда, на раскопе. И он снова счел нужным объяснить:

– Бледная, пальцы дергаются, дыхание поверхностное и неровное.

Понятно. Очень квалифицированно все объяснено. Я еще какое-то время молчу, и, надо отдать ему должное, он тоже с честью выдерживает паузу.

– Стас, ты видел фотографии убитого бомжа? – Я тоже перешла на «ты», может, из-за того, что он называет меня Ксанкой, а может, потому, что здесь, рядом с медвежьим камнем, как будто стираются какие-то грани, исчезают надуманные условности и отношения становятся простыми и естественными.

– Нет, фотографии не видел. – Стас опустился на землю рядом со мной, подложил под себя какую-то невесть откуда взявшуюся то ли картонку, то фанерку. – Я его самого видел, в натуре.

Порывшись в кармане куртки, он достал какой-то шоколадный батончик и маленькую коробочку сока. Протянув все это мне, усмехнулся:

– Держи, а то твой Мишель изведется, что ты голодная.

Ну, вот скажите, пожалуйста, откуда он знает про наши отношения? Честно говоря, этот вопрос в любое другое время вызвал бы у меня смех и игривое любопытство. Но сейчас мне не до смеха, совсем не до смеха. Кто-то, что называется, «стучит», что ли? Зачем? Кому это нужно? А может, и тот разговор, случайно услышанный мною, совсем не случаен? И идет какая-то неизвестная мне игра? Все эти мысли вихрем проносятся у меня в голове, опять становится тяжело дышать. Никому нельзя верить?

Я медленно повернула голову, Стас спокойно встретил мой взгляд и, уловив возникшее напряжение, почти ласково сказал:

– Марина рассказала о твоём бдительном друге. Ешь.

Конечно, он меня не успокоил окончательно, но шоколадку и сок я взяла. Есть-то и правда хотелось, несмотря на нервы. А может, как раз из-за них.

– Стас, ты видел царапины на теле?

– Ты сказала об этом капитану?

Я отрицательно покачала головой. Его встречный и почти нелогичный вопрос тем не менее для меня вполне логичен и многое объясняет. Значит, Стас все видел, тоже сопоставил царапины со следами на камне и тоже не сказал об этом милиции. Как интересно, мелькнула у меня довольно неожиданная и отвлеченная мысль, мы понимаем друг друга практически без слов. И тут же эта мысль была перебита другой, более прозаической и от того более страшной. А почему *он* не сказал об этом милиции?

Я снова подняла глаза на Стаса. И увидела ответ: «Не знаю, чересчур как-то все неправдоподобно».

Я вздохнула:

– Мне кажется, мы должны сказать Олегу Георгиевичу.

Стас помолчал немного, потом нехотя пробурчал:

– Наверное.

– Только не думай, что ты сам во всем разберешься, – с легкой ехидцей заметила я, – это не обычные бандитские разборки...

– Во-первых, почему знать, – с ленцой ответил Стас, явно дразня меня, – а потом, с чего ты взяла, что я в обычных разборках специалист?

Что-то угрожающее послышалось мне в его последних словах, и я замолчала. Тревожные подозрения с новой силой поднялись откуда-то изнутри, перебивая дыхание и застилая глаза

темной пеленой. Странная интонация. Как будто человек не спрашивает, а утверждает, причем утверждает обратное тому, о чем, казалось бы, спрашивает. Утверждает, что специалист. Специалист в бандитских разборках. Мысли пронеслись беспорядочным, нелогичным потоком.

– Ксанка, я не бандит, – вдруг очень серьезно сказал Стас, – но я офицер.

И мне неожиданно стало легче. Ну не знаю почему, но легче. Казалось бы, просто слова, но я верю им сразу, мне не нужны ни доказательства, ни уверения. Я просто верю. Может, зря? Но что теперь поделаешь...

– Чего от тебя хотел тот, который с дребезжащим голосом?

– Да все камень хотят забрать. – Стас совсем не удивился, он даже не спросил, откуда мне известно про разговор. Меня это так поразило, что я, плохо вникнув в его ответ, спрашиваю именно об этом:

– А тебе не интересно, откуда я...

Он не дал закончить:

– Перестань, Ксанка, ты шуршала и вздыхала в камералке так, что только глухой не услышал бы.

– А почему...

– Я не знал, *кто* там шуршит. Только когда ты уже вышла, увидел.

Мне стало смешно. Да, разведчик из меня никакой. Постойте-ка, а что хотел дребезжащий голос?

– Стас, он хотел забрать камень? – переспросила я. – А это не может быть связано как-то?

– В смысле, что те, кто хочет забрать камень, и есть убийцы? – В его интонации не было ни насмешки, ни издевательства, дескать, какие мы тут умные, сразу все и раскрыли. Скорее раздумье: – Кто знает...

– По крайней мере, это зацепка. Нужно сказать Олегу Георгиевичу. Ты рассказывал ему...

Закончить я опять не успела, Стас уже понял, о чем я хочу спросить, и отрицательно покачал головой.

– Значит, должен рассказать, – почти с воодушевлением продолжила я, – ты же обрисовать этого человека сможешь? Ты же его помнишь?

– Кого? – легкая усмешка все же почувствовалась, но я не обратила внимания.

– Как кого? Того, кто камень просил и угрожал тебе сегодня.

– Так это разные люди были. Сегодняшнего, например, я видел первый раз в жизни. Ксанка, ты не представляешь, сколько людей приходило ко мне поглазеть, попросить... Десятка два, если не больше – знакомые, знакомые знакомых и просто какие-то. Еще и по телефону звонили.

Сдаваться мне не хотелось:

– Но ведь кто-то просто просил, а кто-то тебе угрожал, и кто-то рассказал жуткую историю про стекающую кровь.

– Да, это верно. Только понимаешь, Ксанка, это тоже были разные люди, а про стекающую кровь, кстати, по телефону рассказывали. Но не в этом дело. Знаешь, самое смешное... – Стас на мгновение задумался, тщательно подбирая слова: – Самое смешное, что они все чем-то очень похожи, как-то сливаются они все у меня в памяти. – Стас замолчал и снова задумался.

Мне захотелось ему помочь:

– Может, они все одного возраста?

– Нет. В смысле, я не помню. – Стас напряженно вглядывался в траву, силясь вспомнить свои ощущения. – Знаешь, мне показалось, что те, кто угрожал, сами чего-то боялись.

От неожиданности я даже онемела на мгновение, а потом резко повернулась к Стасу:

– Слушай, ведь мне тоже показалось, что этот, дребезжащий, сегодня, что он тебя боится, то есть он чего-то боится. А я подумала, что тебя... – Моя быстрая сумбурная речь нимало не смутила Стаса, и он понимающе кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.